

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина»

На правах рукописи

Алещенко Павел Сергеевич

«Мягкая сила» России в Казахстане: особенности, проблемы, перспективы

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Екатеринбург – 2025

Работа выполнена на кафедре политических наук ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»

Научный руководитель: доктор политических наук, доцент
Керимов Александр Алиевич

Официальные оппоненты: **Бояркина Анна Владимировна**, доктор политических наук, ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет», (г. Владивосток), доцент кафедры китаеведения;

Наумов Александр Олегович, доктор исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», профессор кафедры международных организаций и проблем глобального управления;

Великая Анна Алексеевна, кандидат политических наук, ФГБНУ «Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН», (г. Москва), старший научный сотрудник.

Защита состоится «28» октября 2025 г., в 11:00 на заседании диссертационного совета УрФУ 5.5.15.02 по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, зал диссертационных советов, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»: <https://dissovet2.urfu.ru/mod/data/view.php?d=12&rid=7513>

Автореферат разослан «___» сентября 2025 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета УрФУ 5.5.15.02
кандидат исторических наук, доцент

А.С. Бурнасов

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. На современном этапе своего развития Россия сталкивается с рядом вызовов геополитического характера, которые актуализируют проблему продолжения поиска новых путей для сохранения своего места на политической карте мира как одного из полюсов глобальной силы. Для достижения своих внешнеполитических целей Россия помимо традиционных инструментов также использует потенциал «мягкой силы».

Концепция «мягкой силы», предложенная в 90-х гг. прошлого века Дж. Наем, впоследствии взятая на вооружение политической элитой ряда государств, из теоретического конструкта трансформировалась в систему практических мер и стала неотъемлемым элементом внешней политики и значительным ресурсом, позволяющим оказывать влияние на другие страны через культурное, образовательное, экономическое и идеологическое воздействие.

После распада Советского Союза перед руководством России стояла задача стратегического характера определения политики взаимодействия с новыми независимыми государствами с целью сохранения своего влияния на них. Было очевидно, что в условиях преобладания центробежных сил попытки сохранить свое влияние политическими и принудительными методами будут неэффективными. Поэтому неизбежно возникла необходимость предложить бывшим республикам Союза для достижения собственных целей привлекательные проекты, которые их могли бы заинтересовать.

Для России на постсоветском пространстве одним из приоритетных направлений является Центральноазиатский регион, в частности Казахстан, где она стремится расширить свое влияние, в том числе с помощью «мягкой силы».

Значимость Казахстана для России обусловлена его географическим положением, общими границами с Россией и Китаем, а также его вкладом в региональную безопасность и стабильность. Кроме того, Казахстан имеет прочные экономические связи с Россией, включая торговлю, инвестиции и энергетическое сотрудничество. Он является членом Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), что еще больше повышает его значимость для России.

В то же время важно признать, что, хотя сотрудничество России с Казахстаном является динамичным и конструктивным, оно не лишено предпосылок для возникновения потенциальных разногласий и трений в различных областях.

В последнее время во внешней политике Казахстана прослеживаются некоторые тенденции. Эти тенденции свидетельствуют о приверженности Казахстана к многовекторной внешней политике, стремлении диверсифицировать международные отношения и стремлении придерживаться сбалансированного подхода во взаимодействии с Россией, Китаем, западным миром и другими партнерами. Кроме того, в регионе активизируются другие глобальные и региональные субъекты (Китай, США, ЕС, Турция), что делает

важным анализ методов, используемых Россией для оценки конкурентоспособности и эффективности своей внешней политики. Следовательно, в контексте отношений между Россией и Казахстаном концепция «мягкой силы» приобретает особое значение. Россия прилагает усилия по наращиванию своего влияния в Казахстане за счет использования культурных, образовательных и экономических инструментов. Однако эффективность этих инструментов требует тщательного изучения с учетом уникальных особенностей казахстанского общества и текущего геополитического ландшафта. Анализ стратегии «мягкой силы» России в Казахстане позволит выявить ее сильные и слабые стороны, оценить ее влияние на общественное мнение и политические процессы внутри страны и разработать рекомендации по повышению ее эффективности. Кроме того, данное исследование может способствовать более глубокому пониманию взаимоотношений между Россией и Казахстаном и перспектив их развития в условиях меняющегося мирового порядка.

Степень разработанности темы. Концепция «мягкой силы» как категория политической науки является предметом исследовательского интереса как зарубежных, так и российских ученых. Исследования по этой теме посвящены различным аспектам этой концепции, которые служат методологической основой для данного диссертационного исследования.

Необходимо отметить, что понятие «мягкой силы», введенное в научный оборот Дж. Наем, хотя и не использовалось до 1990-х гг., его фундаментальные принципы уже были исследованы в работах ученых более раннего периода, которые в настоящее время признаны предшественниками или альтернативными мыслителями современной концепции. В данном ключе следует выделить труды Ж. Бодрийяра, А. Грамши, Ж. Липовецки, С. Льюкса, С. Стрэнджа¹.

Стоит отметить, что отношение к концепции «мягкой силы» в научном сообществе не было однозначным, и она неоднократно подвергалась критическому анализу, что в итоге побудило Дж. Наю к пониманию необходимости глубокой проработки основных идей концепции и расширения ее теоретической базы. В частности, среди критиков этой концепции можно выделить П. Бильгина, К. С. Грея, Е. Лока, Б. Уомакка, Н. Фергюссона²,

¹ Бодрийяр Ж. Соблазн. М.: Изд-во Ad Marginem, 2000. 311 с., Грамши А. Тюремные тетради. М.: Издательство политической литературы, 1991. 560 с.; Липовецки Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме. СПб.: Владимир Даль, 2001. 336 с.; Lukes S. Power: a radical view. London: Macmillan, 1974. 64 p.; Strange S. The persistent myth of lost hegemony // International Organization. 1987. Vol. 41. № 4. P. 551-574.

² Bilgin P., Elis B. Hard power, soft power: toward a more realistic power analysis // Insight Turkey. 2008; Gray C. Hard power and soft power: the utility of military force as an instrument of policy in the 21st century // Strategic studies institute Monograph. 2011; Lock E. Soft power and strategy. Development a strategic concept of power // Soft power and US foreign policy: Theoretical, historical and contemporary perspectives. London: Routledge. 2010. P. 32-50; Womack B. Dancing alone: a hard look at soft power // The Asia Pacific Journal: Japan Focus. 2005; Ferguson. N. Colossus: the price of America's empire. N.Y.: Penguin Press, 2004. 384 p.; Rugh W.A. American Encounters with Arabs: The "soft Power" of U.S. Public Diplomacy in the Middle East. Greenwood Publishing Group. 2006. 220 p.; Fattor E.M. American Empire and the Arsenal of Entertainment: Soft Power and Cultural Weaponization. Palgrave Macmillan. 2014. 241 p.

которые в своих трудах показывают на некоторые недостатки в разработках Дж. Ная.

Наряду с критиками концепции «мягкой силы» необходимо выделить и других ученых, которые пытались расширить ее содержание, придать ей более строгую научно-практическую ориентированность. Этим аспектам посвящены труды Г. Галаротти, Р. Захарны, М. Клэра, М. Кокса, М. Куналакиса, У. Ру, Э. Фаттора и др.³.

Проблемы «мягкой силы» вызывают научный интерес и у российских ученых. Среди них следует выделить труды А. В. Бояркиной, А. А. Великой, В. М. Капицына, Д. М. Ковбы, М. М. Лебедевой, О. В. Лебедевой, Р. С. Мухаметова, А. О. Наумова, П. Б. Паршина, Е. Г. Пономаревой, И. Л. Прохоренко, О. Ф. Русаковой, Л. Р. Рустамовой, К. М. Табаринцевой-Романовой, Е. А. Харитоновой, М. В. Харкевича⁴ и др. Их исследования

³ Gallarotti G. Soft power: what is it, why it is important, and the conditions under which it can be effectively used // Wesleyan University, WesScholar. 2011; Zaharna R.S. The Soft Power Differential: Network Communication and Mass Communication in Public Diplomacy // The Hague Journal of Diplomacy. 2007. Vol. 2 (3). P. 213-228; Klare M. Hard power, soft power, and energy power // Foreign affairs. 2015 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2015-03-03/hard-power-soft-power-and-energy-power>; Cox M. Soft Power and US Foreign Policy. London, 2010; Kounalakis M., Simonyi A. The hard truth about soft power // USC public diplomacy. Los Angeles, 2011. 51 p.

⁴ Бояркина А. В. Россия в новой геополитической и геоэкономической реальности между Вашингтоном и Пекином // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 8(77). С. 2290-2299; Бояркина А. В. Осмысление «дипломатии великой державы с китайской спецификой»: общее и особенное // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2021. № 3. С. 79-97; Великая А. А. Формирование образа России за рубежом как элемент «мягкой силы» // Право и управление. XXI век. 2013. № 3 (28). С. 87-92; Капицын В. М. Космополитизм – компоненты «мягкой силы» и глобального управления // Обозреватель. 2009. № 10. С. 70-79; Ковба Д. М. «Мягкая сила» как политическая стратегия государств Восточноазиатского региона: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. Екатеринбург, 2017. 158 с.; Лебедева М. М., Харкевич М. В. «Мягкая сила» России в развитии интеграционных процессов на Евразийском пространстве // Вестник МГИМО Университета. 2014. № 2 (35). С. 10-13.; Лебедева М. М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО Университета. 2017. № 3 (54). С. 212-223; Лебедева О. В. Современные инструменты «цифровой дипломатии» как важнейший элемент «мягкой силы» // Международная жизнь. 2019. № 5. С. 102-111; Мухаметов Р. С. Сравнительный анализ «мягкой силы» РФ и ЕС на постсоветском пространстве // Сравнительная политика. 2019. Т. 10. № 3. С. 46-57; Мухаметов Р. С. Культурная дипломатия КНР: институты, инструменты и проблемы // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки. 2019. Т. 14. № 4. С. 150-157; Мухаметов Р. С. Мягкая сила России и ЕС на пространстве «общего соседства»: сравнительный анализ программ политических партий постсоветских государств // Сравнительная политика. 2020. № 4. С. 78-91; Наумов А. О. «Мягкая сила» Российской Федерации как ресурс влияния на пространстве Евразийского экономического союза // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2019. № 1. С. 100-110; Наумов А. О. Идеино-политические истоки концепции «мягкой силы» Джозефа Ная // Новая и новейшая история. 2021. № 1. С. 223-229; Наумов А. О., Наумова А. Ю., Белоусова М. В. Культурная дипломатия группы БРИКС // Государственное управление. Электронный вестник (Электронный журнал). 2023. № 100. С. 7-18; Наумов А. О. Философско-этические учения как ресурс «мягкой силы» африканских стран // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2024. Т. 21. № 1. С. 48-60; Наумов А. О. «Диалог цивилизаций» как ресурс «мягкой силы» Исламской Республики Иран // Клио. 2024. № 07 (211). С. 75-81; Наумов А.О. «Мягкая сила» Британской империи в XX в. // Электронный научно-образовательный журнал История. 2024. Т. 15. № 9 (143); Наумов А. О., Демин Д.В., Яценко Е.В., Седова Е.С. Телеканал RT как актор «мягкой силы» Российской Федерации // Журнал Клио. 2025. № 3. С. 193-200; Наумов А. О. Мягкая сила» и публичная дипломатия Исламской Республики Иран на пространстве Большой Евразии // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2024. Т. 21, № 3. С. 115-133; Паршин П. Б. Два понимания «мягкой силы»: предпосылки, корреляты и следствия // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2 (35). С. 14-21; Паршин П. Б. Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России: Аналитический доклад // М.: МГИМО (У) МИД России. 2013. 40 с.; Прохоренко И. Л. Новая стратегия Европейского союза в Центральной Азии: возможности и пределы – мягкой силы // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2019. № 4. С. 68-80; Пономарева Е. Г., Рудов Г. А. «Мягкая сила» как интеграционный ресурс России на евразийском пространстве

существенно дополняют теоретическую базу концепции и расширяют понимание особенностей использования «мягкой силы» во внешней политике ряда стран.

В контексте использования культурно-образовательных ресурсов для распространения своего влияния и продвижения национальных интересов значительный интерес представляют труды И. Г. Актамова, А. В. Торкунова, Е. М. Харитоновой⁵ и др. В работах перечисленных исследователей последовательно проводится мысль о значении культуры и образования для укрепления международного имиджа страны и повышения привлекательности национальной культуры.

Различные аспекты «мягкой силы» нашли отражение в трудах В. Г. Иванова, А. В. Исаева, О. Б. Истоминой, Т. А. Подшибякиной, Е. А. Тюрина⁶, которые акцентируют внимание на проблемах оценки потенциала и эффективности использования политических ресурсов в контексте стратегии «мягкой силы».

// Обозреватель-Observer. 2015. № 11. С. 59-73; Пономарева Е. Г. «Умная сила» как инструмент евразийской интеграции // Панорама Евразии. 2015. № 2 (13). С. 66-69; Пономарева Е. Г. «Мягкая сила» России как интеграционный ресурс // Геополитический журнал. 2016. № 3. С. 9-17; Прохоренко И. Л., Харитонов Е. М. Мягкая сила бывших империй: сравнительный опыт Великобритании и Испании // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 3. С. 39-49; Русакова О. Ф. Концепт «мягкой силы» (soft power) в современной политической философии // Научный ежегодник института философии и права УрО РАН. 2010. Вып. 10. С. 173-192; Русакова О. Ф. Soft power: теория, ресурсы, дискурс / под ред. О.Ф. Русаковой. Екатеринбург: Изд. Дом «Дискурс-Пи», 2015. 376 с.; Русакова О. Ф., Русаков В. М. "Мягкая сила" как инструмент политической коммуникации и гуманитарной дипломатии // Дискурс-Пи. 2017. № 1 (26). С. 61-72; Русакова О. Ф., Ковба Д. М. Исследования мягкой силы в российской политической науке: анализ проблемно-тематических полей // Дискурс-Пи. 2019. № 1 (34). С. 37-50; Рустамова Л. Р. Механизм действия и пределы использования концепции "мягкая сила" // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 1 (44). С. 145-154; Табаринцева-Романова К. М. Международное гуманитарное сотрудничество: зарубежные подходы к изучению и реализации // Сравнительная политика. 2021. № 4. С. 31-46; Табаринцева-Романова К. М. Концептуализация защиты культурного наследия как инструмента «мягкой» силы // Вестник Удмуртского ун-та. Социология. Политология. Международные отношения. 2023. Т. 7, вып. 4. С. 473-479; Табаринцева-Романова К. М. «Мягкая Сила»: новые элементы в «Устойчивой» трансформации концепта // Дипломатическая служба. 2023. № 3. С. 225-233; Харитонов Е. М. "Мягкая сила" Великобритании. М.: ИМЭМО, 2018. 139 с.; Харитонов Е. М. Эффективность "мягкой силы": проблема оценки // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 6. С. 48-58; Харкевич М. В. «Мягкая сила»: политическое использование научной концепции // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2 (35). С. 22-29.

⁵ Актамов И. Г., Бадмацыренов Т. Б. «Мягкая сила» Китая: образовательные стратегии внешнеполитического влияния // Власть. 2019. Т. 27. № 3. С. 231-236; Торкунов А. В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 4(25). С. 85-93. Харитонов Е. М. Образование в политике «мягкой силы» Великобритании // Трансформация международных отношений в XXI веке. Материалы международной научно-практической конференции. М.: Дипломатическая академия МИД России, 2017. С. 397-402.

⁶ Иванов В. Г. Потенциальная мягкая сила» как ресурс внешне-политического влияния // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2016. № 4. С. 101-104; Исаев А. В., Матвиенко В. А. Особенности применения «мягкой силы» в контексте реализации образовательного вектора внешнеполитической деятельности России и США (на примере образовательной политики) // PolitBook. 2020. № 2. С. 159-178; Истомина О. Б., Чиглинцев Я. Д. Социально-философские основания концепта «мягкая сила» в современной политической системе // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2025. Вып. 1. С. 24-30; Подшибякина Т. А. Стратегические нарративы как политический ресурс Мягкой силы: «Бессмертный полк» на страже интересов России // Вестник Пермского университета. Политология. 2021. Т. 15. № 3. С. 52-59; Тюрин Е. А., Савинова Е. Н., Переверзева О. В. «Мягкая сила» как социокультурный ресурс политического противостояния Эдинбурга и Лондона // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2021. Вып. 4 (845). С. 118-130.

Экономические аспекты «мягкой силы» рассматриваются в трудах А. Ж. Бактияровой, Э. Н. Баудияровой, О. А. Васильевой, О. В. Курасовой, В. Н. Мироновой, Е. П. Пьяных, В. С. Ягьи⁷.

Социокультурным аспектам «мягкой силы» и проблемам их использования в Казахстане посвящены работы А. Бактыбаевой, Д. А. Брусиловского, М. Ш. Губайдуллиной, М. Ш. Джанталеевой, А. Енгояна, И. И. Калитько, Е. В. Килимника, В. В. Кондратьева, С. П. Коряковцева, С. О. Кузнецовой, Е. В. Махмутовой, А. О. Наумов, Д. А. Новоселова, Я. В. Осташовой, И. Р. Томберга, А. П. Ушаковой, Ю. С. Филаретовой, В. А. Франц, Е. А. Худоренко⁸ и др.

⁷ Бактиярова А. Ж., Баудиярова Э. Н. Торгово-экономическое сотрудничество Казахстана и России: проблемы и перспективы // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2023. Т. 12. № 4. С. 65-70; Васильева О. А., Курасова О. В. российское мороженное как элемент ресурса «мягкой силы» в новых экономических реалиях // Московский экономический журнал. 2023. Т. 8. № 8; Миронова В.Н. Экономический фактор «мягкой силы» государства: проблемы идентификации // Экономика. Налоги. Право. 2020. № 13(6). С. 15-22; Наумов А. О. «Мягкая сила» Российской Федерации как ресурс влияния на пространстве Евразийского экономического союза // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2019. № 1. С. 100-110; Пьяных Е. П. «Мягкая сила» железных дорог // Вестник Уральского государственного университета путей сообщения. 2018. № 3 (39). С. 84-97; Ягья В. С. Центральная Азия в условиях сопряжения Экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза // Управленческое консультирование. 2016. № 2. С. 59-70.

⁸ Бактыбаева А. Факторы, тормозящие развитие гуманитарного сотрудничества Республики Казахстан и Российской Федерации в ходе евразийской интеграции // Постсоветские исследования. 2021. № 4(5). С. 400-408; Брусиловский Д. А., Есипов И. И. Специфика воздействия «мягкой силы» Китая и США на Центральную Азию в условиях глобализации // Вопросы политологии. 2019. Т. 9. № 8 (48). С. 1779-1798; Gubaidullina M. Sh., Paizova A. Russia's "soft power" policy towards Kazakhstan in the research field on Central Asia // Вестник Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева. Серия: Политические науки. Регионоведение. Востоковедение. Тюркология. 2025. № 1 (150). С. 145-159; Джанталеева М. Ш. Народная дипломатия России и Казахстана как инструмент формирования межгосударственного взаимодействия // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2020. № 1 (62). С. 104-108; Енгоян А. Сущность «мягкой силы» России в странах СНГ // Bulletin of Yerevan University. Vol. 6. International Relations. Political Science. 2024. Т. 15. № 1 (43). С. 29-41; Калитько И. И. Российская эстрада как фактор «мягкой силы» России на постсоветском пространстве (на примере Беларуси и Казахстана) // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2020. Т. 10. № 3. С. 29-36; Килимник Е. В. «Российско-казахстанские экономические отношения в области энергетической политики и безопасности при президенте Н. Назарбаеве» // Теория и практика мировой науки. 2022. № 8. С. 42-56; Кондратьев В. В., Ахметова А. Б. Влияние западных неправительственных организаций и социальных медиа на ситуацию в Республике Казахстан. Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности. 2023. № 3(2). С. 30-44; Коряковцев С. П., Кузнецова С. О. Экспорт российского образования в механизме «мягкой силы» // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2023. № 11. С. 68-74; Махмутова Е. В. Китайская «мягкая сила» в Центральной Азии: перспективы и ограничители // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2022. Т. 27. № 27. С. 268-283; Наумов А. О. Историческая память о Великой отечественной войне как ресурс «мягкой силы» современной России // Известия Алтайского государственного университета. 2020. № 6 (116). С. 41-45; Новосёлов Д. А., Кротов А.В. Переход Казахстана на латиницу как опасность для «мягкой силы» России // Псковский регионологический журнал. 2018. № 1 (33). С. 3-9; Осташова Я. В. Инструменты мягкой силы высшего образования России в контексте сотрудничества с Казахстаном // Вопросы политологии. 2022. Т. 12. № 1 (77). С. 212-217; Осташова Я. В. Образование как элемент политики «Мягкой силы»: современные политические реалии России и Казахстана // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2021. Т. 10. № 3 (37). С. 220-226; Томберг И. Р. Русский мир как элемент «мягкой силы» России в странах Центральной Азии // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2023. № 1 (35). С. 91-104; Ушакова А. П. Русский язык как инструмент «мягкой силы» в Республике Казахстан // Мир русскоговорящих стран. 2023. № 1 (15). С. 22-34; Филаретова Ю. С., Атие Б. Мягкая Сила Акдн как угроза интересам России в Центральной Азии // Россия и новые государства Евразии. 2023. № 4 (61). С. 175-184; Франц В. А. Потенциал мягкой силы исторической памяти во взаимном сближении жителей государств Центральной Азии и россиян // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 3 (40). С. 54-73; Худоренко Е. А. Языковая политика России в контексте евразийской интеграции // Политическая наука. 2020. № 2. С. 163-182 и др.

Свой вклад в изучение «мягкой силы» внесли и уральские ученые. В частности, работы Д. М. Ковбы, Р. С. Мухаметова, О. В. Русаковой, а также материалы Международной конференции «Soft power: теория, ресурсы, дискурс», организованной Институтом философии и права УрО РАН, состоявшейся в г. Челябинске в 2014 г., были использованы при написании данной работы.

Таким образом, анализ научной литературы по теме диссертационного исследования показывает, что в силу происходящих политических, экономических, социокультурных процессов реализация стратегии «мягкой силы» для достижения внешнеполитических целей и создания позитивного образа страны подвержена воздействию различных факторов, влияющих на ее эффективность. Имеющаяся литература дает достаточную информацию о состоянии дел в сфере реализации российской «мягкой силы» в Казахстане, но в то же время динамизм отношений между Россией и Казахстаном обуславливает необходимость анализа проблемы с учетом складывающихся обстоятельств, что порождает новый пласт вопросов, требующих ответа.

Объектом исследования выступает стратегия «мягкой силы» России в Казахстане.

Предмет исследования являются особенности стратегии «мягкой силы» России в Казахстане.

Цель исследования состоит в выявлении особенностей стратегии «мягкой силы» России в Казахстане.

Задачи исследования:

- проанализировать понятие, сущность и функции мягкой и систематизировать основные теоретические подходы к исследованию концепции «мягкой силы»;
- выявить специфику концептуализации «мягкой силы» в российской внешней политике;
- исследовать эволюцию и выявить характерные черты российской «мягкой силы» на постсоветском пространстве;
- охарактеризовать отличительные аспекты политических и экономических ресурсов «мягкой силы», используемых Россией в рамках своей стратегии «мягкой силы» в Казахстане;
- проанализировать содержание и выявить характеристики социокультурных ресурсов, используемых в российской стратегии «мягкой силы» в Казахстане.

Наиболее существенные научные результаты и их новизна:

- обобщено категориальное осмысление «мягкой силы» в контексте заявленной темы;
- раскрыта специфика концептуализации «мягкой силы» в российской внешней политике;
- выявлены уникальные черты и отличительные особенности, а также общие тенденции в реализации российской «мягкой силы» на постсоветском пространстве;

– дана оценка состояния и выявлены особенности политических и экономически ресурсов российской «мягкой силы», используемых в Казахстане;

– установлены характеристики содержания и выявлены особенности социокультурные ресурсов российской стратегии «мягкой силы» в Казахстане.

Теоретическая и практическая значимость. Исследование «мягкой силы» России в Казахстане имеет теоретическое и практическое значение, поскольку оно охватывает широкий круг вопросов международной политики, культурной дипломатии и взаимодействия между этими двумя соседними странами. Теоретическая значимость данного исследования заключается в расширении научного понимания «мягкой силы», изучении исторических основ российско-казахстанских отношений и выявлении факторов, способствующих взаимному притяжению. Кроме того, данное исследование может послужить основой для будущих исследований в этой области.

Практическая значимость данного исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы государственными и негосударственными организациями для разработки стратегий продвижения российского культурного наследия и ценностей среди населения Казахстана. Материалы диссертации также могут быть включены в курс лекций по российской «мягкой силе» на постсоветском пространстве для студентов высших учебных заведения и аспирантов профильных направлений.

Методология и методы диссертационного исследования. Теоретическая основа диссертации основана на концептуальных разработках Дж. Ная о «мягкой силе».

В диссертации используется системный подход, рассматривающий «мягкую силу» как совокупность идей, практик и институтов, которые выполняют определенные функции и задачи.

Структурно-функциональный подход позволяет выявить роль и важность структурных компонентов «мягкой силы».

В диссертации также используется неинституциональный подход, который позволяет проанализировать исторический и социокультурный контекст, определяющий развитие стратегии «мягкой силы» во внешней политике.

Институциональный подход позволяет проанализировать специфику функционирования институтов «мягкой силы».

Методология исследования также включает исторический анализ, который помогает проследить истоки и этапы развития стратегии «мягкой силы» во внешнеполитической деятельности государства.

Деятельностный подход используется при изучении «мягкой силы» как формы взаимодействия, предполагающей субъект-объектные отношения. Этот подход служит основой для применения коммуникативного подхода.

В исследовании используется сетевой подход для изучения роли различных социальных связей между отдельными людьми, сообществами, нациями и уникальной динамики обмена ценностями и интересами.

Ценностно-нормативный подход используется при анализе «мягкой силы» как инструмента управления сотрудничеством с зарубежными странами.

Эмпирическую базу исследования составляют:

- нормативно-правовые акты Российской Федерации по тематике диссертационного исследования;
- материалы социологических исследований, анализирующих различные аспекты оценки реализации «мягкой силы»;
- материалы масс-медиа России и Казахстана.

Положения, выносимые на защиту:

1. «Мягкая сила» как категория политологического анализа представляет собой концепцию, которая относится к способности государства или другого субъекта влиять на международные отношения и общественное мнение с помощью ненасильственных средств. В отличие от традиционных инструментов власти, таких как военная сила или экономическое давление, мягкая сила опирается на культурные, идеологические и дипломатические факторы. Суть «мягкой силы» заключается в умении формировать предпочтения других, убеждая их в правильности и привлекательности собственной позиции. Это достигается путем распространения культурных ценностей, образовательных программ, медиаконтента и международного сотрудничества. Важным компонентом также является имидж нации, который формируется на основе ее истории, достижений и поведения на мировой арене.

2. В современном мире, в условиях глобализации и информационной открытости, «мягкая сила» становится все более важным инструментом построения прочных и доверительных отношений между странами. Россия и Казахстан, связанные многовековой историей и географической близостью, активно используют эти инструменты для укрепления двустороннего сотрудничества. Реализация данной стратегии позволяет не только укрепить связи между двумя странами, но и создать долгосрочные стратегические преимущества, способствующие взаимному развитию и формированию позитивного восприятия России и Казахстана на взаимной основе.

3. Политические, экономические и культурные ресурсы России имеют решающее значение для реализации стратегии «мягкой силы» в Казахстане. Политическое влияние России проявляется в постоянном диалоге на самом высоком уровне, участии в таких региональных организациях, как ЕАЭС и ОДКБ, а также в продвижении общих целей в области безопасности и стабильности. Россия является одним из крупнейших торговых партнеров Казахстана, и экономические связи охватывают энергетику, промышленность, транспорт и сельское хозяйство. Социокультурное измерение влияния России проявляется в распространении русского языка и культурных ценностей, поддержке русскоязычного образования, студенческих обменах и культурных мероприятиях. Российские СМИ продолжают оставаться важным средством формирования общественного мнения в Казахстане, особенно среди русскоязычного населения. Их роль как инструмента «мягкой силы» позволяет России сохранять культурное и идеологическое присутствие в стране. Однако в

контексте растущей национальной идентичности и цифровизации медиапотребления это влияние становится все более тонким и требует адаптации. В то же время следует отметить, что успех российской «мягкой силы» в Казахстане зависит от гармоничного сочетания интересов, уважения суверенитета и понимания местных особенностей. Казахстан стремится проводить многовекторную внешнюю политику, направленную на развитие отношений с различными странами, сохраняя при этом свою национальную идентичность и независимость.

4. Давние исторические культурные связи между народами России и Казахстана создают прочную основу для эффективного применения Россией стратегии «мягкой силы». Российские образовательные программы, средства массовой информации на русском языке, а также культурные и образовательные инициативы продолжают оставаться важнейшими инструментами укрепления взаимовыгодных отношений между двумя странами. Российское культурное присутствие в Казахстане сталкивается с проблемами, в том числе с отсутствием эффективного сотрудничества между государственными органами, недостаточной финансовой поддержкой для продвижения русской культуры и нехваткой научных исследований по части изучения восприятия русской культуры казахской общественностью. Для решения этих проблем необходимо повысить качество образовательных услуг России, активизировать работу Россотрудничества и популяризировать русский язык в Казахстане.

5. Внутриполитические изменения и преобразования в Казахстане оказывают значительное влияние на стратегию «мягкой силы» России, требуя изменения тактики и подходов для поддержания и усиления ее культурного и информационного присутствия в казахстанском обществе. Рост национальной идентичности и усиление роли казахского языка в общественной жизни приводят к уменьшению влияния русского языка и культуры. Это актуализирует проблему более целенаправленного использования «мягкой силы», ее диверсификации и интенсификации, концентрируясь на сохранении русскоязычной культурной сферы и поддержке русскоязычных сообществ с соблюдением суверенитета страны и уважения к национальной специфике.

Достоверность результатов проведенного исследования подтверждается использованием работ ведущих российских и зарубежных ученых по исследуемой проблеме, корректным использованием методов обоснования выводов и рекомендаций.

Апробация результатов исследования. Результаты работы представлены в 8 научных публикациях, 3 из которых изданы в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ и Аттестационным советом УрФУ. Основные положения диссертации излагались и обсуждались на 5 международных и всероссийских конференциях в г. Москве (2022), г. Екатеринбурге (2022, 2023, 2024).

Диссертация обсуждена на заседании кафедры политических наук Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина и рекомендована к защите.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, включающих шесть параграфов, заключения, списка литературы, содержащего 235 названий. Общий объем работы – 198 стр.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы, раскрывается степень ее научной разработанности, характеризуется источниковая база, определяются цели и задачи, объект и предмет, методологические основы и методы исследования. Отражается научная новизна с указанием положений, выносимых на защиту, формулируется теоретическая и практическая значимость, приводятся сведения об апробации результатов исследования.

Первая глава «Теоретико-методологические основы изучения концепции "мягкой силы"» посвящена фундаментальным аспектам концепции, предложенной Дж. Наем в 1990-х гг. Раскрывается содержание категории «мягкая сила», различные подходы к определению «мягкой силы» в политической науке, анализируются ключевые элементы, составляющие ее структуру.

Первый параграф «"Мягкая сила" как категория политологического анализа» посвящен исследованию концепции «мягкой силы» (soft power) как ключевого инструмента современного политологического анализа. Подчеркивается, что после окончания холодной войны мир столкнулся с необходимостью новых подходов к международным отношениям, что обусловило актуальность концепции «мягкой силы», предложенной Дж. Наем.

В условиях глобализации и технологического прогресса, традиционные инструменты внешней политики, такие как экономическая и военная мощь, перестают быть единственными. Все большее значение приобретают нематериальные активы, включая привлекательную экономическую модель, толерантное общество, культурное наследие, научные достижения и высокие стандарты образования. Именно эти факторы формируют благоприятный образ государства и привлекают сторонников.

Концепция «мягкой силы» не является новым явлением, ее корни прослеживаются в трудах древних китайских мыслителей (Конфуций, Лао-цзы, Сунь-цзы), а также в исторических примерах использования несилового влияния (Наполеон, Лоуренс Аравийский). В новейшей истории «мягкая сила» играла значительную роль в идеологической конфронтации между СССР и США.

В работе анализируются различные трактовки понятия «мягкая сила», его отличие от пропаганды и «жесткой силы». Особое внимание уделяется ресурсам «мягкой силы», которые Дж. Най сводит к трем основным источникам: культуре, политическим ценностям и внешней политике.

Отмечается, что «мягкая сила» представляет собой как потенциал (ресурсы), так и деятельность (инструменты), реализуемая посредством публичной дипломатии, образовательных программ, культурных обменов и т.д.

В заключение параграфа подчеркивается, что благодаря своей прагматичности, доступности и соответствию современным реалиям, концепция «мягкой силы» Дж. Нае приобрела значительный вес как в теории, так и на практике, став действенным инструментом усиления международного влияния государств.

Второй параграф «Теоретико-методологические подходы к исследованию концепции "мягкой силы"» посвящен комплексному анализу концепции «мягкой силы» как инструмента международных отношений. В нем прослеживается историческая эволюция понятия силы, начиная от традиционных представлений о ее применении в политике и до современных интерпретаций. История человечества представлена как череда событий, где сила выступает ключевым инструментом влияния, однако с усложнением глобальных процессов возникли новые формы ее проявления. Обсуждаются основные школы: политический реализм (Г. Моргентау, Р. Даль, Р. Клайн), подчеркивающий силу как принуждение и атрибут государства; либеральные традиции (И. Кант, В. Вильсон), акцентирующие мирные механизмы и экономическое сотрудничество; структурализм (М. Фуко, П. Бурдьё), вводящий «структурную силу» через безопасность, знание, производство и финансы; геополитика (Ф. Ратцель, Х. Маккиндер), связывающая силу с географическими факторами.

Концепция «мягкой силы» вводится как альтернативы «жесткой силе», основанной на привлекательности и убеждении. В работе анализируются ее ресурсы: культурное наследие, политические ценности, внешняя политика; инструменты: публичная дипломатия, программы обмена, содействие развитию, некоммерческие организации; критерии эффективности: долгосрочные цели, научные достижения, миграция, общественное мнение. Подчеркивается эволюция идей Нае от «кооптивной власти» к «умной силе» и их применение в контексте США.

В российском политологическом дискурсе концепция «мягкой силы» интерпретируется разнообразно. Российскими исследователями предложены различные подходы: силовой, влиятельный, технологический, коммуникативный, конструктивистский, романтический и ресурсный подходы.

Отмечается, что концепция «мягкой силы», предложенная Дж. Наем, не ограничивается исключительно сильными державами, такими как США или Китай, и доступна для широкого спектра акторов международных отношений. В современном мире эта стратегия может эффективно применяться государствами среднего масштаба, негосударственными организациями, транснациональными корпорациями и даже отдельными индивидами, которые обладают культурными, образовательными или технологическими ресурсами.

В параграфе подчеркивается необходимость переосмысления понятия силы в эпоху глобализации, когда жесткие методы принуждения уступают

место гибким, адаптивным механизмам. Глобализация усиливает взаимозависимость, делая уязвимыми даже мощные государства, если они игнорируют общественное мнение и культурные нюансы. Переосмысление включает интеграцию гуманитарных аспектов, таких как продвижение языка, искусства и образования, с информационными технологиями, включая кибердипломатию и цифровой контент. Это позволяет создавать сети влияния, где идеи распространяются органично, а не навязываются.

Такая интеграция обеспечивает устойчивое влияние в международных отношениях, способствуя не только краткосрочным успехам, но и стратегическому партнерству. Однако для этого требуется постоянная адаптация к локальным контекстам, как показывает опыт России в Центральной Азии, где игнорирование региональных особенностей может привести к снижению эффективности. В итоге, «мягкая сила» становится ключевым элементом современной дипломатии, позволяющим строить доверие и сотрудничество в многополярном мире.

Третий параграф «Концептуализация "мягкой силы" в российской внешней политике» посвящен анализу развития концепции «мягкой силы» в российской внешней политике. Автор отмечает, что в отличие от США, где концепция возникла в академических кругах, в России она сначала появилась в речах политиков, а затем стала предметом научных исследований.

Анализируя эволюцию понятия «мягкой силы» в российском политическом дискурсе, автор подчеркивает его постепенную адаптацию к национальному контексту, отчасти опираясь на концепцию Дж. Ная, но с акцентом на геополитические вызовы и культурно-исторические особенности России.

Термин впервые был официально применен Д. А. Медведевым в 2009 г. на совещании Россотрудничества, где он подчеркнул роль «мягкой силы» в укреплении культурного сотрудничества и взаимопонимания. В этом контексте Д. А. Медведев представил ее как инструмент продвижения российских ценностей через образование, науку и искусство, без прямого противопоставления «жесткой силе», что отражало либеральный поворот в российской внешней политике того периода. Это заявление стало отправной точкой для интеграции концепции в официальный нарратив, иллюстрируя переход от советской пропаганды к более нюансированным формам влияния в постсоветской эпохе.

Далее, в 2018 г. С. В. Лавров, министр иностранных дел РФ, развил эту идею, определив «мягкую силу» как ключевой инструмент влияния через гуманитарные связи. В своем выступлении на форуме «Мягкая сила в международных отношениях» он отметил, что она включает «продвижение русского языка, культуры и образования за рубежом», подчеркивая ее роль в формировании позитивного образа России в условиях глобальной конкуренции. Это определение подразумевало комплексный подход, объединяющий дипломатию, медиа и культурные обмены, и было направлено на укрепление позиций России в постсоветском пространстве, включая Казахстан, где

исторические связи и русскоязычная диаспора служат естественными ресурсами.

В. В. Путин в своих выступлениях, таких как «Мюнхенская речь» (2007) и последующие заявления, интерпретировал «мягкую силу» как альтернативу «жесткой силе», но с осторожностью выделил ее потенциально негативные аспекты. Он неоднократно предупреждал о рисках манипуляции общественным сознанием и вмешательства во внутренние дела других государств, ссылаясь на примеры западных кампаний. В его видении «мягкая сила» не должна быть инструментом подрыва суверенитета, а скорее средством укрепления национальной идентичности и самодостаточности. Это отражает реалистический подход, где влияние через культуру и информацию дополняет традиционные геополитические инструменты, но не заменяет их.

После событий на Украине в 2014 г. тон российского дискурса по «мягкой силе» стал более негативным, связывая ее с «черными технологиями» Запада. В официальных заявлениях и медиа-кампаниях, включая каналы RT и Sputnik, концепция ассоциировалась с гибридными угрозами, такими как информационные войны и цветные революции. Это сдвиг подчеркнул двойственность: с одной стороны, Россия сама активно использует «мягкую силу» для контрпропаганды, с другой – критикует ее как инструмент западного доминирования.

В диссертации утверждается, что общее представление российской политической элиты о «мягкой силе» как инструменте контрпропаганды и самодостаточности страны за счет социально-экономического развития часто граничит с «жесткой силой», в зависимости от контекста. Например, инициативы по продвижению русского языка и культурных проектов через Россотрудничество могут восприниматься как мягкие, но в условиях геополитического напряжения они приобретают черты принуждения, особенно если связаны с санкциями или информационным давлением.

В итоге, эволюция понятия в российском дискурсе иллюстрирует его адаптацию к внутренним и внешним вызовам, от либеральных идей Медведева к более прагматичным и оборонным интерпретациям Путина и Лаврова. Однако эта двойственность создает риски: позитивные аспекты, такие как культурное сближение, могут быть подорваны обвинениями в манипуляции, что снижает эффективность стратегии в долгосрочной перспективе. Диссертант рекомендует балансировать эти подходы, интегрируя «мягкую силу» в более широкую геополитическую рамку для устойчивого влияния.

Вторая глава «Ресурсы и инструменты стратегии "мягкой силы" как средства обеспечения влияния России в Казахстане» посвящена анализу ресурсов и инструментов, которые Россия использует для реализации стратегии «мягкой силы» в Казахстане – одном из ключевых партнеров на постсоветском пространстве. Казахстан, будучи членом ЕАЭС и имея значительное русскоязычное население, представляет собой стратегический плацдарм для российского влияния, где сочетаются экономические, культурные и геополитические интересы.

В первом параграфе «Особенности использования российской "мягкой силы" на постсоветском пространстве» отмечается, что российская «мягкая сила» на постсоветском пространстве характеризуется многомерностью и противоречивостью: наряду с гуманитарными инициативами присутствует имперская риторика и применение «жесткой силы», что порой ведет к ухудшению отношений и потере доверия. Внешнеполитические курсы бывших республик различаются: Белоруссия сохраняет тесные связи с Россией, Украина и страны Балтии ориентируются на Запад, Южный Кавказ и Центральная Азия демонстрируют смешанные стратегии. В целом среди постсоветских стран нет единства по вопросу интеграции, что снижает эффективность евразийских проектов.

Российская стратегия «мягкой силы» строится на трех линиях: обращении к исторической памяти, реагировании на краткосрочные вызовы и управлении будущим через формирование новой интеграционной повестки. Успех возможен лишь при гармоничном сочетании этих подходов, сбалансированном учете прошлого и перспектив, отсутствии доминирования и патернализма.

Особое значение имеет работа с русскоязычной диаспорой, поддержка которой ведется через программы репатриации, защиту прав и вовлечение в социально-культурные проекты. Важным инструментом являются образовательные инициативы, культурные и гуманитарные проекты, а также публичная дипломатия, направленная на формирование позитивного имиджа России.

Однако российская «мягкая сила» сталкивается с проблемами: отсутствие привлекательной идеологии и экономической модели, слабая институциональная база, конкуренция со стороны Запада и низкий уровень доверия к государственным структурам. Миграционная политика вызывает внутренние противоречия и требует комплексного подхода к интеграции мигрантов.

Идеология евразийства, продвигаемая Россией, опирается на общие историко-культурные ценности, приоритет сильного государства и традиционных норм, что совпадает с интересами политических элит постсоветских стран и служит основой интеграционных усилий. Евразийский экономический союз, созданный в 2015 г., стал ключевым институциональным проектом, объединяющим часть бывших республик.

В целом, стратегия «мягкой силы» России на постсоветском пространстве направлена на создание нового евразийского сообщества, основанного на взаимной выгоде и безопасности, но ее эффективность ограничена внутренними и внешними вызовами, требующими дальнейшего развития и адаптации к современным реалиям.

Второй параграф «Российская "мягкая сила" в Казахстане: политические и экономические ресурсы» исследует многоаспектное влияние России на Казахстан, анализируя политические и экономические ресурсы "мягкой силы", используемые Москвой для укрепления своих позиций в регионе после распада СССР. Особое внимание уделяется геополитическому,

экономическому и историко-культурному значениям Центральной Азии для России, а также возрастающей конкуренции со стороны других держав.

Автор рассматривает три основных позиции относительно российской стратегии в Казахстане: поддержку интеграции, опасения по поводу зависимости и акцентирование внимания на роли внешних игроков. Подчеркивается, что "мягкая сила", в отличие от "жесткой", включает не только культурное, но и экономическое, образовательное и гуманитарное влияние.

В контексте экономики, исследование анализирует, как такие факторы, как интеллектуальный потенциал, уровень образования и мобильность человеческих ресурсов, приобретают большее значение, чем традиционные показатели, такие как численность населения или природные ресурсы. Особо отмечается, что экономическое влияние может проявляться как через "жесткие", так и через "мягкие" методы.

В отношении политических ресурсов "мягкой силы", автор акцентирует внимание на роли политических ценностей, внешней политики государства и его легитимности. Анализируется "реалистическая парадигма soft power", где государства стремятся увеличить свою привлекательность относительно конкурентов.

В параграфе подробно исследуются военное и политическое сотрудничество России и Казахстана, включая деятельность в рамках ОДКБ и ШОС. Рассматриваются исторические и текущие аспекты российско-казахстанских отношений, включая роль Казахстана как союзника и партнера России, а также его стремление к многовекторной внешней политике.

Значительное место уделяется экономическим инструментам "мягкой силы", таким как инвестиции, предоставление кредитов, экономическая и техническая помощь, а также участие России в инфраструктурных проектах (например, ЕАЭС, МТК "Север-Юг") и таких сферах, как атомная энергетика (Росатом) и нефтегазовый сектор. Подчеркивается, что, несмотря на геополитические вызовы и санкции, Россия остается ключевым торговым партнером Казахстана.

В заключение, автор приходит к выводу, что Россия обладает широким арсеналом инструментов "мягкой силы" для оказания экономического и политического влияния на Казахстан. Эффективность этих инструментов зависит от множества факторов, включая внутривнутриполитическую ситуацию в Казахстане, действия других мировых игроков и способность обеих стран находить взаимовыгодные решения. Успешное сотрудничество основывается на взаимном уважении и учете интересов.

В третьем параграфе «Социокультурные ресурсы российской стратегии "мягкой силы" в Казахстане и эффективность их применения» анализируются социокультурные ресурсы российской стратегии «мягкой силы» в Казахстане, подчеркивая их роль в формировании позитивного имиджа и укреплении влияния. Рассматривается исторический контекст: после распада СССР в Центральной Азии, включая Казахстан, сформировались патерналистские этнархии с исламскими элементами, что требует учета

местных традиций и суверенитета. Россия использует инструменты «мягкой силы» – дипломатию, публичную дипломатию, исторические связи, язык, образование и диаспоральную политику – для сохранения влияния как буферной зоны и препятствия радикализму.

Ключевые ресурсы включают русский язык: он имеет конституционный статус в Казахстане, используется в образовании и общении (доля русскоязычного населения снизилась с 38% в 1989 г. до 15,5% в 2021 г. – по данным официальной переписи населения, но остается престижным). Образование: в 2022 г. 30,9% школьников обучались на русском языке, в стране функционируют филиалы российских вузов (например, МГИМО в Астане) и совместные программы привлекают казахстанскую молодежь (83 тыс. студентов из Казахстана в РФ в 2024 г.). Диаспоральная политика направлена на поддержку соотечественников через репатриацию, патернализм и прагматизм, укрепляя культурные связи.

Приграничное сотрудничество и публичная дипломатия (через Россотрудничество, молодежные обмены, фестивали) способствуют взаимопониманию. Однако российская «мягкая сила» сталкивается с проблемами: стратегия воспринимается как навязывание евразийства и «русского мира», не учитывающая модернизацию Казахстана; конкуренция с США, Китаем, ЕС и Турцией; проблемы с миграцией (рост притока россиян после 2022 г. несет негативный имидж).

Результаты опросов (2021–2023 гг.) показывают позитивное восприятие России в Казахстане (ассоциации с «братским народом», «великой державой»), устойчивость отношений (51,5% не изменили мнение после событий на Украине). В параграфе подчеркивается прочность позиций России в Казахстане благодаря общей истории, но отмечается необходимость модернизации: усиления культурных связей, сохранения языка, взаимовыгодных проектов. Уход из региона грозит потерей влияния в пользу конкурентов, что требует стратегических планов для устойчивого применения «мягкой силы»

В заключении подведены итоги работы, сформулированы основные выводы и намечены перспективы дальнейшего изучения проблемы. «Мягкая сила» позволяет России поддерживать диалог, укреплять доверие и формировать позитивный имидж через культурные обмены, образование и науку, способствуя взаимопониманию несмотря на разногласия. Однако Россия уступает конкурентам (США, Китай, ЕС) из-за недостаточного внимания к общественному мнению и фокуса на официальных структурах, а не на гражданском обществе. Это приводит к рискам потери влияния в постсоветском пространстве, включая Казахстан, где стратегия должна быть адаптирована к локальным особенностям.

Ключевые факторы сохранения влияния России в Казахстане включают географическое соседство, экономические связи (торговля, инвестиции), этнокультурные связи (общий язык, культура, миграция), медийное пространство, межгосударственные объединения (ЕАЭС, ОДКБ), военное сотрудничество и сходство политических систем (авторитарные тенденции,

акцент на традиционные ценности). Эти элементы обеспечивают стабильность и интеграцию, но требуют гармонизации правовой базы и компромиссов.

Дальнейшие направления исследования могут быть связаны с анализом культурных и образовательных инициатив, роли СМИ и ИТ в формировании мнений, экономических связей, сравнение с подходами Китая и США, влияние изменений в Казахстане на стратегию России. Это позволит глубже понять механизмы эффективности «мягкой силы» и оптимизировать ее применение.

III. ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах и изданиях, определенных ВАК РФ и Аттестационным советом УрФУ:

1. Алещенко П. С. Специфика использования Россией «мягкой силы» в Казахстане: экономические аспекты // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2024. № 1. С. 140-143; (0,33 п.л.); К 3.

2. Алещенко П. С., Керимов А. А. Особенности российской «мягкой силы» на современном этапе развития // Социально-политические науки. 2024. № 1. С. 19-23; (0,5 п.л./0,25 п.л.); К 2.

3. Алещенко П. С. «Мягкая сила» России в Казахстане: культурные и экономические аспекты // Социально-политические науки. 2024. Т. № 2. С. 35-40; (0,6 п.л.); К 2.

Другие публикации по теме исследования:

4. Алещенко П. С. «Мягкая сила» в диалоге культур и цивилизаций // Культура и природа политической власти: теория и практика: сб. научных трудов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2022. С. 12-16; (0,2 п.л.).

5. Алещенко П. С. «Мягкая сила» во внешней политике России на постсоветском пространстве: направления и значение // Политические вызовы и политический диалог в условиях глобальной турбулентности: Материалы Всероссийской конференции РАПН с международным участием. Москва, ИНИОН РАН, МГИМО МИД России, 2–3 декабря 2022 г. М.: Аспект Пресс, 2022. С. 34-35; (0,2 п.л.).

6. Алещенко П. С., Керимов А. А. Анатомия политических кризисов на постсоветском пространстве (на примере январских событий 2022 г. в Казахстане) // СССР и его наследие: проблемы мировой политики и международных отношений: V Чемпаловские чтения, посвященные 100-летию образования СССР: сборник научных статей и сообщений (Екатеринбург, 17–18 ноября 2022 г.). Екатеринбург: УрГПУ, 2023. С. 42-47; (0,3/0,2 п.л.).

7. Алещенко П. С. Soft Power, Hard Power: соотношение понятий // Культура и природа политической власти: теория и практика: сб. научных трудов. Екатеринбург: УрГПУ, 2023. С. 11-16; (0,3 п.л.).

8. Алещенко П. С. «Мягкая сила» по-казахстански: направления и механизмы реализации // Культура и природа политической власти: теория и практика: сб. научных трудов. Екатеринбург: УрГПУ, 2024. С. 15-20; (0,3 п.л.).